

309	0253	ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН	"Семь тысяч лет"
-----	------	------------------	------------------

"Семь тысяч лет" (Коренблиг – Курочкин)

1. Раздумье	– 0.48
2. Пролог	– 3.44
3. Ни в мать, ни в отца	– 2.23
4. Притча о снегурочке	– 2.26
5. Счастливец	– 2.16
6. Московский фигляр	– 2.10
7. Жалоба чиновника	– 1.44
8. Знаки препинания	– 1.53
9. Свисток и стакан	– 2.02
10. Семь тысяч лет	– 2.23
11. О мире!	– 2.09
12. Напутствие	– 2.31
13. Тоже молитва	– 1.31
14. Я не поэт	– 3.28
15. Во всех нарядах	– 5.43
16. Старая песня	– 3.10
17. Лучшие года	– 2.13
18. Любовь не придёт	– 2.40
19. Что лучше?	– 1.52
20. Погребальные дроги	– 3.29
<i>Общее время звучания – 50.35</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. РАЗДУМЬЕ

Зол я впервые сегодня вполне;
Зол — оттого что нет злости во мне.

Нет этой злости, которая смело
Прямо из сердца срывается в дело.

Нету ее — ненавистницы фраз,
Злобы святой, возвышающей нас.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, с которой хоть семьдесят лет
Можно прожить без особенных бед

И умереть, чтобы видели внуки
Самый пошлейший род смерти — от скуки.

2. ПРОЛОГ

Роскошь так уж роскошь — истинно беспутная;
Бедность так уж бедность — смерть ежеминутная;
Голод так уж голод — область целую;
Пьянство так уж пьянство — всё с горячкой белою.

Моды так уж моды — всё перемудренные;

Дамы так уж дамы — полуобнаженные;
Шлейфы так уж шлейфы — двух- и трехсаженные;
На пол нагло брошены камни драгоценные.

Нечто лучше женщины в красоте искусственной,
С шиком нарисованной, чувственно-бесчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобие —
Во втором издании «божие подобие».

Похоть так уж похоть — с роковою силою
Деньгам, сердцу, разуму — всем грозит могилкою:
Старцы льнут и падают, как грудные деточки,
И за ними дети их — плод от той же веточки.

Воры так уж воры — крупные, с кокардами;
Кражи так уж кражи — чуть не миллиардами;
Жуликов-мазуриков в эту пору грозную
Как на небе звездочек в ноченьку морозную.

Мелкие скандальчики с крупными беспутствами;
Разоренья честные с злостными банкротствами;
Фокусы бумажные, из нулей могущества —
И на каждой улице описи имущества.

И на каждой улице, с музыкою, с плясками,
Разоряют вежливо, обирают с ласками,
И — притоны мрачные, кутежи с злодействами,
И убийства зверские целыми семействами.

И работа вечная и неутомная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная,
И с трибун словесников речь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на всё готовая.

Скорбь так скорбь безмолвная. Горе, как нахлынуло,
Всё существование разом опрокинуло:
Знает погибающий, что никто не сжалится,
И, как сноп бесчувственный, сам в могилу валится.

Смех так смех насильственный, злобы не скрывающий,
Или разухабистый и стыда не знающий,
Или уж отчаянный, с умоисступлением —
Над собой, над ближними и над всем творением.

3. НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирает весь мир;
Как же ты — это трудно понять—
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать — охотница девок посечь,

А отец — подчиненных распечь;
Ты — со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес.
Целый день ты готова блуждать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу —
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою — какой-то студент...
Душу рада ему ты отдать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

4. ПРИТЧА О СНЕГУРОЧКЕ

Как некогда Дарья застыла **
В своем заколдованном сне —
Так образ Снегурочки милой
Теперь представляется мне.

В раздумьи склонилась уныло —
Не знает, что делают с ней.
Мертвящею мощью своей
Над ней распростерся Ярило.

Излила бы в песнях святых
Всю правду для ближних своих.
Ни звука! Душа умирает...

Недвижно сомкнулись уста.
Ни звука! Кругом пустота...
И тает снегурочка, тает...

.....

** «Мороз Красный Нос», поэм. Некрасова

5. СЧАСТЛИВЕЦ

Розовый, свежий, дородный,
Юный, веселый всегда,
Разума даже следа
Нет в голове благородной,

Ходит там ветер сквозной...
Экой счастливец какой!

Долго не думая, смело,
В доброе время и час,
Вздумал — и сделал как раз
Самое скверное дело,
Не возмутившись душой...
Экой счастливец какой!

С голоду гибнут крестьяне...
Пусть погибает весь свет!
Вот он на званый обед
Выехал: сани не сани!
Конь, что за конь вороной!
Экой счастливец какой!

Женщину встретит — под шляпку
Взглянет, тряхнет кошельком
И, насладившись цветком,
Бросит, как старую тряпку, —
И уж подъехал к другой...
Экой счастливец какой!

Рыщет себе беззаботно,
Не о чем, благо, тужить...
В службу предложат вступить —
Вступит и в службу охотно.
Будет сановник большой...
Экой счастливец какой!

Розовый, свежий, дородный,
Труд и несчастный расчет
Подлым мещанством зовет...
Враг всякой мысли свободной,
Чувства и речи родной...
Экой счастливец какой!

6. МОСКОВСКИЙ ФИГЛЯР

Лицо намазав сажей,
Как английский фигляр,
Московский парень ражий
Выходит на базар.
Кричит, народ сзывая:
«Вот фокус! — Раз! Два! Три! —
Вот штука! Вот другая!
Честной народ, смотри!»

Оделся он — умора!
На голове колпак,
Из тряпок коленкора
На нем двуцветный фрак;
Одна нога людская,

Другая... Раз! Два! Три!
Копытом бьет другая, —
Честной народ, смотри!

Смотри мою отвагу:
«Вот шпага. Видишь? Ну,
Я проглочу всю шпагу
И глазом не сморгну».
Шпажонка, исчезая,
Блеснула... Раз! Два! Три!
Он смотрит не мигая, —
Честной народ, смотри!

За несколько копеек
Пересвистать готов
Заморских канареек
И курских соловьев.
На всё он мастер, словом!
Вот свищет... Раз! Два! Три!
Вот рожу сделал клёвом, —
Честной народ, смотри!

Награды — грош да гривна!
За бесполезный труд...
Как жалко, как противно,
Когда такой же шут
Проглотит шпагу разом
В журнале... Раз! Два! Три!
Да не сморгнет и глазом, —
Честной народ, смотри!

7. ЖАЛОБА ЧИНОВНИКА

Человек я хорошего права —
Право!
Но нельзя же служить, как известно,
Честно.
Я вполне соглашаюсь, что взятки
Гадки;
Но семейство, большое к тому же,
Хуже.
Точно: можно ходить и в веригах —
В книгах...
А чтоб эдак-то бегать по свету —
Нету!
Рассуждают, награбивши много,
Строго:
Капитал-де от предков имели!
Все ли?
И меня ведь господь не обидел:
Видел,
Как и те, что статейки писали, —
Брали.
Так за что ж распекать-то сверх штата

Брата?
Одного ведь отца мы на свете
Дети!

8. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Старый хапуга, отъявленный плут
Отдан под суд;
Дело его, по решению строгом,
Пахнет острогом...
Но у хапуги, во-первых: жена
Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
.....
(Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
Каждая дочь...
Ну, и нашелся заступник сиятельный
!
(Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
?
(Знак вопросительный.)

9. СВИСТОК И СТАКАН

Свистать! Свистать!
Нам вторит эхо.
Но, чур! Не лгать
Орудьем смеха!
Приходит срок,
Взял верх обман —
Бросай свисток,
Бери стакан.

Пей, чуть слышна
Фальшивость нотки,
Оксгоф вина
И четверть водки,
Ведро эль-кок,
Эль-кукельван.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Чем разделять
Кастратов славу,
Уж лучше спать,
Вались в канаву,
Без задних ног,
Мертвецки пьян.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Уж лучше, брат,
Пить мертвой чашей
Забвенья яд,
Чем в прессе нашей
Зловонных строк
Впивать дурман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Газетный лай
И обезьянства
Пренебрегай
В величьи пьянства.
Оно порок,
Но не обман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

10. СЕМЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Семь тысяч триста шестьдесят
 Девятый год,
Как человек ползет назад,
 Бежит вперед;
Семь тысяч триста с лишком лет
 Тому назад
Изображал весь белый свет
 Фруктовый сад.
Мы, господа, ведем свой счет
 С того числа,
Когда Адам отведал плод
 Добра, и зла.

Семь тысяч лет пошли ко дну
 С того утра,
Как человек нашел жену,
 Лишась ребра;
С тех пор счет ребрам у друзей
 Мужья ведут,
Когда в наивности своей
 Их жены лгут.
И всё обман и всё любовь —
 Добро и зло!
Хоть время семьдесят веков

Земле сочло.

Потом мудрец на свете жил,—
Гласит молва —
За суп он брату уступил
Свои права.
Потом заспорил род людской,
Забыв урок,
За призрак власти, за дрянной
Земли клочок;
За око око, зуб за зуб
Ведет войну —
За тот же чечевичный суп,
Как в старину.

Прошли века; воюет мир,
И льется кровь —
Сегодня рухнулся кумир,
А завтра вновь
Встают неправда и порок
Еще сильнее —
И служит порох и станок
Страстям людей.
И спорят гордые умы
Родной земли:
«Что нужно нам? Откуда мы?
Куда пришли?»

Должны ли мы на общий суд
Тащить всё зло
Иль чтоб, по-старому, под спуд
Оно легло?
Крестьянам грамотность — вредна
Или добро?
В семействе женщина — жена
Или ребро?
Созрел ли к пище каждый рот?
Бить или нет?»
Так вопрошают Новый год
Семь тысяч лет.

11. О МИРЕ!

Страшный призрак грозно встал;
Страсти вечные щекочет;
От всех зол универсал —
Кровь открыть Европе хочет.
Но в разумный век поэт
Уж не фельдшер, как бывало,
И одно поет в ответ:
Мир во что бы то ни стало!

Уж настолько мы умны
В наши дни, что каждый лирик

Скажет призраку войны:
«Прочь, чудовище-эмпирик!
Мир гниет от старых ран —
Новых, что ли, не хватало?
Я поэт, а не боян.
Мир во что бы то ни стало!»

Ну, а тем, что в наши дни
К драке слишком уж охочи,
Ты лукаво подмигни,
Указав вопрос рабочий.
Поработай, мол, на мир,
Чтобы денег *тут* достало...
А чтоб драться... Ой, вей-мир! *
Мир во что бы то ни стало!

В честолюбии владык
Смысл солдатского задора;
Но в народах общий крик:
«В честном мире нет позора».
Пусть воинственно глядит,
Но не сходит с пьедестала,
Марс — шевронный инвалид.
Мир во что бы то ни стало!

Бог военной суеты
Лучше пусть шалит с Кипридой..
Ты, богиня красоты,
Человечество не выдай!
А вопрос про старый Рейн
Мы поставим так сначала:
Мил лафит, хорош рейнвейн.
Мир во что бы то ни стало!

Горе мне! (Евр.)

12. НАПУТСТВИЕ

Покоряясь пред судьбою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.
Если счастье навернется —
Оставайся; не найдется —
Возвращайся к нам.

Разъезжай себе покорно
До Марсели, до Ливорно
И иной страны;
Покоряться воле неба
Ради крова, ради хлеба
Мы уж, брат, должны.

Полны гордого сознания,
Скажем просто: до свиданья! —

Как придется там...
Обесмысленные звуки
Час торжественной разлуки
Не опошлят нам.

Мы словами жизнь не мерим,
Мы уж многому не верим,
 Как в былые дни;
Но, исполнившись смиренья,
Помним светлые мгновенья —
 Были же они!

Если были — будут снова;
Было б сердце к ним готово
 Да свободен ум.
А тебе — и с полугоря —
Их навевет воздух с моря,
 Моря вечный шум,

Солнце, бури, климат знойный,
Жизни трепет беспокойный,
 Неумолчный гам...
Так чего ж? Махнув рукою,
Поезжай — господь с тобою! —
 К чуждым берегам.

13. ТОЖЕ МОЛИТВА

Весёлый трезвон по церквам
На всех колокольнях окрестных, —
И «чистые сердцем» во храм
Стремятся в одеждах воскресных.

Отпущены людям грехи!
И только поэт, одиноко,
Творит не молитву — стихи —
В беспраздничной скорби глубокой.

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва —

И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром;
Сатира есть тоже молитва.

14. Я НЕ ПОЭТ

Я не поэт — и, не связанный узами
 С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правую
 Славою.
Родине предан любовью безвестною,
 Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,

Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Всё в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастья
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтения народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».

Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю,
Кроме того, впечатленье известное,
Честное,—
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

15. ВО ВСЕХ НАРЯДАХ

Когда любил я в первый раз,
Не зная брачной обстановки,
Для ради взгляда милых глаз
Я разорился на обновки.
И, от волненья чуть дыша,
Любуясь милой и нарядом,

Я страстно говорил, прельщенный нежным взглядом;
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Когда ж узнал и рай и ад
Посредством брачного обряда,
Я нахожу, что дамский взгляд
Дешевле дамского наряда.
Не тратя лишнего гроша,
Стал хладнокровно напевать я:

Тебе к лицу, мой друг, и простенькие платья —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших стрекулист
Еще владычествует в мире,
Хоть вымыт, выбрит, с виду чист,
В благопристойном вицмундире, —
Но всё чернильная душа Хранит подьячества привычки —

Так черт ли — выпушки, погончики, петлички...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Другой, хожалый древних лет,
Стал журналистом не на шутку
И перенес в столбцы газет
Свою упраздненную будку.
На черемиса, латыша,
На всю мордву валит доносом —

Хоть и зовет его общественным вопросом, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времени минувших ростовщик,
Чуждаясь темного позора,
Усвоил современный шик
И назвал свой вертеп конторой;
Но та же алчность барыша
Томит и гласного вампира —

Так черт ли в том, что ты надел костюм банкира...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Расставшись с шулерством прямым,
В виду общественного мненья,
Стал шулер зайцем биржевым,
Потом директором правленья.
Ты сделал ловко антраша,
И мастерски играешь роль ты;

Но всё равно: из карт или из акций вольты, —

Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Закон преследует разбой
Со взломом ящиков и ларцев,
Но вежливо зовет «войной»
Убийство жен, детей и старцев;
Хоть человечество кроша,
Аттила всё равно «бич божий»,
Какою ни прикрыт национальной кожей, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Пустил бы я во весь карьер
Куплет свободно за куплетом;
Но в скачках с рифмами барьер
Поставлен всадникам-поэтам,
Хоть каждый может, не спеша,
Предупредительные вожжи
Сравнить с карательным арапником... попозже...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Что ты посеял — то пожнешь,
Сказали мудрецы в деревне;
В веках посеянная ложь
Костюм донашивает древний.
Когда ж, честных людей смеша,
Форсит в одежде современной —
Мы с дружным хохотом в глаза споем презренной:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Но скажем твердо, не шутя,
Хоть светлым днем, хоть темной ночью,
Когда — заблудшее дитя —
Сойдет к нам истина воочью,
Хотя б краснея, чуть дыша,
Хотя б классически раздета,
Хоть в гаерском плаще веселого куплета:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

16. СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песни, что ли, вы хотите?
Песня будет не нова...
Но для музыки возьмите:
В ней слова, слова, слова.
Обвинять ли наше племя,
Иль обычай так силен,
Что поем мы в наше время
Песню дедовских времен?

Жил чиновник небогатый.
Просто жил, как бог велел, —
И, посты хранивши свято,
Тысяч сто нажать умел.
Но *по злобному навету*

Вдруг от места отрешен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Мой сосед в своем имении
Вздумал школы заводить;
Сам вмешался в управленье,
Думал бедных облегчить...
И пошла молва по свету,
Что приятель *поврежден*.
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Сам не знаю — петь ли дальше.
Я красавицу знавал:
Захотелось в генеральши —
И нашелся генерал.
В этом смысла даже нету,
Был другой в нее влюблен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времён?

Песню старую от века,
Как языческий кумир, —
Где превыше человека
Ставят шпоры и мундир,
Где уму простора нету,
Где бессмысленный силен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времён?

Да когда ж споем другую?
Разве нету голосов?
И не стыдно ль дрянь такую
Петь уж несколько веков?
Или спать, сложивши руки,
При движении племён,
Богатырским сном под звуки
Песни дедовских времён?

17. ЛУЧШИЕ ГОДА

Как в наши лучшие года
Мы пролетаем без участия
Помимо истинного счастья!
Мы молоды, душа горда...
Как в нас заносчивости много!
Пред нами светлая дорога...
Проходят лучшие года!

Проходят лучшие года —
Мы все идем дорогой ложной,
Вслед за мечтою невозможной,
Идем неведомо куда...

Но вот овраг — вот мы споткнулись...
Кругом стемнело... Оглянулись —
Нигде ни звука, ни следа!

Нигде ни звука, ни следа,
Ни светлых дней, ни сожаленья,
На сердце тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нет силы... Подкосились ноги...
Погасла дальняя звезда!

Погасла дальняя звезда!
Пора, пора душой смириться!
Над жизнью нечего глумиться,
Вкусив от горького плода, —
Или с бессильем старой девы
Твердить упорно: где вы, где вы,
Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года
Не лучше ль справить честной тризной?
Не оскверним же укоризной
Господень мир — и никогда
С бессильной злобой оскорбленных
Не осмеем четы влюбленных,
Влюбленных в лучшие года!

18. ЛЮБОВЬ НЕ ПРИДЁТ

Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнет мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.
Мы поглупеем, как все, в свой черед,
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

В зрелых умом, скудных чувствами летах
Тьму новостей прочитаем в газетах:
Про наводнения, пожары, войну,
Про отнятую у горцев страну,
Скотский падеж и осушку болот —
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Будем, как все люди добрые, жить;
Будем влюбляться, не будем любить —
Ты продашь сердце для партии громкой,
С горя и я заведушь экономкой...
Та старика под венец поведет...
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;
Общие сны будут сниться обоим;
Разум обманем и сердце закроем —
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет —
Нет, уж любовь не придет!

19. ЧТО ЛУЧШЕ?

Видеть, как зло торжествует державно,
Видеть, как гибнет что свято и славно,
И ничего уж не видеть затем —
Лучше не видеть совсем!

Слышать с младенчества те же напевы:
Слышать, как плачут и старцы, и девы,
Как неприятно и тягостно всем, —
Лучше не слышать совсем!

Жаждать любви и любить беспокойно,
Чтоб испытать за горячкою знойной
На сердце холод и холод в крови, —
Лучше не ведать любви!

Знать и молитвы и слез наслажденье,
Да и молиться и плакать с рожденья —
Так, чтобы опыт навеки унес
Сладость молитвы и слез!

Каждое утро вверяться надежде,
Каждую ночь сокрушаться, как прежде,
И возвращаться к надежде опять —
Лучше надежды не знать!

Знать, что грозит нам конец неизбежный,
Знать всё земное, но в бездне безбрежной
Спутать конец и начало всего —
Лучше не знать ничего!

Мудрый лишь счастлив; он смотрит спокойно,
И над его головою достойной
Свыше нисходит торжественный свет...
Да мудрецов таких нет!

20. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Последний экипаж людской
Пою я в песне, дроги.
Вот выбор песни! Что ни пой,
А всё протянешь ноги.
Придется всем от всяких бед
Навек освободиться;
Что ж за несчастье — в лучший свет

На дорогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,
В урочный час к могиле
И богачей, и бедняков —
Всех на руках тащили.
Стал ныне человек умней
И самых бедных даже
Препровождает в мир теней
В приличном экипаже.

Богач со смертью всего
Лишается и плачет.
Я — не оставлю ничего;
Я — в выигрыше, значит.
Я в этот мир пришел пешком,
Но на свиданье к деду
Хоть и на дорогах, хоть шажком,
А все-таки поеду.

За колесницей богача —
Тщеславия затеи —
Ливрейный траур волоча,
Толпой идут лакеи.
А я богат и без ливрей,
Богатствами иными:
Пойдет кружок моих друзей
За дорогами моими.

Веселость, гений мой! я жив,
Покуда ты со мною;
Когда ж и ты, на мой призыв,
Окажешься мечтою —
Тогда скажу, махнув рукой,
Совсем готов к дороге:
Что ж делать! Стих пришел такой;
Закладывайте дроги!